

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

9139
8748

обл. исл. 98 5

ВОПРОСЫ

АРХИВ

ИСТОРИИ

98229.

Веб-публикация: Vive Liberta, 2013
<http://istmat.info/vive-liberta>

12

ДЕКАБРЬ

УДРД: 1111
ГОС. ИСР. БИБЛИОТЕКА
ИМ. В. И. БЕЛИНСКОГО
Свердловск

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
1948

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

из объективизма в исторической науке	3
Павловский Е. — Восьмой Всероссийский Съезд Советов	13
Лат А. — Украинские буржуазные националисты на службе у иностранных империалистов	32
Ильин Н. — Крепостная деревня Литвы и Западной Белоруссии накануне реформы 1861 года	51
Сева П. — Из истории английского управления Палестиной (1919—1930)	57

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Ильин П. — Экономические взгляды В. Н. Татищева	39
Сыров И. — Из истории пражского восстания 1848 года	57
Степанов М. — Политические идеи Фюстель де Куланжа	115

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Рубинштейн Н. — В авангарде борьбы за мир и безопасность народов	130
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

История СССР

Нотович Ф. — «Дипломатический словарь» т. I А—К	139
Кузьмичев И. — Н. Рубинштейн. Советская Россия и капиталистические государства в годы перехода от войны к миру (1921—1922)	144
Рейхберг Г. — Б. Цибилов. Разгром унгерновщины	150
Г. Р. — «Борьба за советы в Забайкалье». Сборник статей	151
Ткаченко Н. — Устим Кармалюк. Сборник документов	152
Шутой В. — Катерина Стецюк. Влияние восстания Степана Разина на Украину	154
Бороздин И. — А. А. Иессен. Греческая колонизация Северного Причерноморья	156
Гальперин А. — Е. Силин. Кяхта в XVIII веке	158

Всеобщая история

Тарле Е. — С. Б. Кан. Два восстания силезских ткачей	163
Молок А. — «Учёные записки» Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена	166
Голант В. — Г. Гендерсон. Дипломатия Крымской войны и другие исторические работы	170

ХРОНИКА

В Институте истории Академии наук СССР	172
Чевелев А. — О научной работе кафедры истории СССР Ульяловского государственного педагогического института	178
Буркин Н. — Научная работа кафедры истории СССР Чувашского государственного педагогического института	179
Альтман В. — Сессия по истории Крыма	176
За рубежом	
Е. Тарле — Письмо в редакцию	
Алфавитный указатель статей за 1948 г.	

Иван Иванович Удальцов

ИЗ ИСТОРИИ ПРАЖСКОГО ВОССТАНИЯ 1848 ГОДА

Вопросы истории. 1948, № 12. С.97-114

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2013

<http://istmat.info/vive-liberta>

тематический раздел библиотеки “Весна народов: европейские революции 1848-1849 гг.”

В истории революционного движения в Чехии в 1848 г. центральное место занимает Пражское восстание. Отношение к Пражскому восстанию являлось и является в значительной степени и до сих пор одним из основных критериев при определении политической позиции и политических взглядов как современников событий, так и чешских общественных деятелей или учёных более позднего времени, обращавшихся в той или иной связи к истории политических движений 1848 г. в Чехии. Это обстоятельство проявилось уже в ходе событий 1848 г., в особенности в период оформления чешских буржуазных политических партий того времени, на что указывает, например, Тоболка, говорящий, что «основным вопросом, разделявшим обе¹ партии, было отношение к вооружённому восстанию, как средству до-

стижения национальных целей»². О том же пишет и Масарик: «Различия в обеих партиях проявились с наибольшей определённостью в том, как оценивали они святодуховские события и их политические последствия»³. О том же свидетельствует и ряд других авторов. Отметим, однако, что позиция радикалов по отношению к восстанию известна главным образом по сообщениям их политических противников, поскольку политические произведения и воспоминания руководителей и участников восстания до настоящего времени не публиковались (исключением являются воспоминания И. В. Фрича) и всячески замалчивались чешской бур-

² T o b o l k a Z d. Politické dějiny československého národa od r. 1848 až do dnešní doby. Díl I, s. 150. Praha. 1932.

³ M a s a r y k T. G. Karel Havlíček. Snahy a tužby politického probuzení. Úřd. 2. v Praze. 1904, s. 62—63.

¹ Национально-либеральную и радикально-демократическую.

жуазной историографией. Так, до сих пор не были изданы сколько-нибудь полно относящиеся к 1848 г. политические статьи и выступления Сабны, Арнольда, Сладковского и других радикалов. Зато мнения либералов пропагандировались весьма усиленно, а их позиция по отношению к восстанию вслестски восхвалялась. По сути дела, точка зрения чешской буржуазной историографии по этому вопросу представляла собой развитие, обоснование и пропаганду взглядов, высказанных Палацким, позиция которого в этой историографии изображается как единственно правильная и соответствующая подлинным интересам всего чешского народа.

В наиболее определённой форме отношение Палацкого к Пражскому восстанию сформулировано им в послесловии к первому чешскому изданию его политических статей — «Radhostu» — в следующих словах: «Я не знаю ни одного события на нашей памяти, которое имело бы столь роковые и вредные последствия для народа, как это «святодуховское восстание» (12 марта и позже)»⁴. Палацкий напоминает, что ещё до этого восстания он предвидел возможность революционных народных выступлений и стремился предотвратить их: «Я и по сей день⁵ совершенно убеждён в том, что если бы мои просьбы, высказанные мною в Национальном Комитете 12 мая (и ещё чаще в других местах), — чтобы мы не покидали своих моральных позиций и избегали бы всякой апелляции к насилию, — если бы, говорю я, эти просьбы были надлежащим образом выполнены, то народ чешский уже в течение 1848 года достиг бы той степени национальных и территориальных прав, которой он до сих пор напрасно добивается, и вся история как чешских земель, так и Австрийской империи приняла бы значительно более утешительное направление, чем это случилось»⁶.

В чём же видел Палацкий тот «непоправимый вред», который якобы нанесло чешскому народу Пражское восстание? «Наибольший вред и источник всего дальнейшего зла заключался в гибели сейма чешского королевства, созыв которого был не только назначен на июнь 1848 г., но и подготовлен. Если бы этот сейм собрался и законным образом сформулировал бы земские пожелания, нет сомнения, что он в высших инстанциях встретился бы с ещё большей уступчивостью, чем сейм венгерский»⁷. Подобную же точку зрения Палацкий высказывает в своей автобиографии⁸ и в целом ряде других мест. Эта точка зрения была полностью поддержана политическими сторонниками Палацкого из лагеря либеральной

буржуазии, такими, как Ригер, Томек⁹, Малый¹⁰ и другие. Малый, например, называет восстание «несчастливым, погубившим всякую общественную жизнь в Праге»¹¹. Такую же оценку восстанию дают и чешские буржуазные историки более позднего времени. Ян Чёрный утверждает, что «в чешском, а следовательно, и пражском обществе не было никаких причин для революции» и что восстание «было делом агитации гостей съезда»¹². Осуждает восстание, называя его последствия роковыми, и один из крупнейших чешских буржуазных историков — Йозеф Пекарж¹³. В специально посвящённой Палацкому работе¹⁴ И. Пекарж пишет: «Славянский съезд был погублен святодуховским пражским восстанием — одной из сумасброднейших и бессмысленнейших революционных выходов неолытной молодёжи». Этим сумасбродством, «столь роковым по своим последствиям», «чешские политические усилия, до сих пор столь счастливые... были скомпрометированы... и наступил период упадка и безнадёжности»¹⁵. К точке зрения Пекаржа полностью присоединяется и Вацлав Халлоупецкий в своей монографии о Палацком¹⁶. Подобная характеристика Пражского восстания и его роли в истории чешского народа является типичной для всей чешской буржуазной историографии. Однако в этой историографии можно указать на две основных группы работ. Перечисленные выше и примыкающие к ним работы, давая общую отрицательную оценку восстания, не дают конкретного описания его фактической стороны, не останавливаются на ходе событий, вслестски стремясь обойти эти события и сконцентрировать внимание читателей на деятельности чешской либеральной буржуазии и дворянства и на ходе буржуазно-национального движения. Но есть и другая группа работ, авторы которых, не расходясь принципиально с первой группой в общей оценке восстания, дают довольно подробное описание хода восстания. Сюда относятся работы Тоужимского¹⁷, Тоболки¹⁸, а

⁹ См. его Novejší dějepis Rakouský, s. 524. Praha. 1887; а так же: Paměti z mého života, díl. I. Praha. 1904.

¹⁰ Malý J. Naše znovuzrození. Přehled národního života českého za posledního půlstoletí; část II. Praha. 1880.

¹¹ Там же, стр. 71.

¹² Černý J. M. «Slovanský sjezd v Praze r. 1848», стр. 49. Praha. 1888. Речь идёт о Славянском съезде в Праге 2—12 июня 1848 года.

¹³ Pekař Jos. «Dějiny naší říše», s. 148. Praha. 1914.

¹⁴ Pekař Jos. «Fr. Palacký», стр. 125. Praha. 1912.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Chaloupecký V. Fr. Palacký «Zlatoroh», sv. 10—12, стр. 119. Praha. 1912.

¹⁷ Toужimský Jos. «Na úsvitě nové doby. Dějiny roku 1848 v zemích českých». Díl. I—II. Praha. 1898.

¹⁸ Tоболка Zd. «Slovanský sjezd v Praze r. 1848». Praha. 1901; Tоболка «Poličtické dějiny», díl. 1.

⁴ Palacký F. Radhost. Sbirka spisův drobných z oboru řeči a literatury české, krásovědy, historie a politiky, díl. III, стр. 281. Praha. 1871.

⁵ Т. е. в 1871 году.

⁶ Radhost, III, s. 281.

⁷ Там же.

⁸ Vlastní životopis Františka Palackého. Vydává M. Cervinková-Riegrová, стр. 35. Praha. 1885.

позже Казбунды¹⁹ и других. Эти работы вводят в научный оборот целый ряд новых документальных материалов, относящихся к восстанию, и вскрывают некоторые ранее неизвестные стороны событий. Некоторые из этих авторов несколько видоизменяют своё отношение к восстанию, отказываясь от изображения этого восстания как национальной катастрофы (Тоболка, Казбунда).

По сути дела, на такой же точке зрения стоит и Томаш Масарик, работы которого оказали значительное влияние на чешскую историографию. Масарик заявляет, что он «не считает, что святодуховское восстание имело те политические последствия, которые ему приписывают доктор Рижер и сам Палацкий (а за ним Малый и др.)²⁰, указывает на важность участия в восстании рабочих²¹, говорит о социальном характере восстания²² и т. п., стремясь показать отличие своей точки зрения от позиции Палацкого, Малого и других. Однако на деле, если отбросить фразеологию, Масарик солидаризируется с Палацким и изображает восстание примерно так же, как и он. Работа Масарика о Гавличке в значительной своей части посвящена компрометации чешских радикалов. Масарик говорит здесь о присущей радикализму политической близорукости²³, о политической неспособности радикалов²⁴, об их фантазёрстве, об отсутствии у них философских принципов²⁵. «Коротко говоря, — пишет Масарик, — наш радикализм 1848 года не представлял собой ни продуманных, ни осмысленных действий: радикалы не были сильной, организованной партией, выступающей с сознанием ответственности, самостоятельно и определённо, но они были политическими импровизаторами, полными революционного возбуждения и раздражения»²⁶. В конечном итоге Масарик стремится привести читателя к выводу о бессмысленности Пражского восстания. Он доказывает, что чехи не были подготовлены к революции, поскольку они духовно не созрели для неё²⁷. «Вооружённая революция (у нас) была невозможна, была бессмысленна и не совершилась. Святодуховские баррикады не были революцией»²⁸. Вывод ясен: неопытные политически, недостаточно образованные, неорганизованные и склонные к фантастике и необдуманному поступкам, легко возбудимые, радикалы вызвали в Праге беспорядки — не революцию! — нарушившие естественный ход событий и повредившие национальным интересам. Но каков же был правильный путь? И Масарик спешит здесь солидаризироваться с Гавличком, который «понял, что вооружённая революция не нужна... что для нас необходима

революция духовная»²⁹. Именно доказательству необходимости отказа от вооружённой революции, пропаганде идеи духовного усовершенствования посвящены труды Масарика. Его точка зрения вполне типична для представителя уже восторжествовавшей над феодализмом буржуазии, боящейся революционных выступлений пролетариата и крестьянства и стремящейся предотвратить их. Работы Масарика знаменательны тем, что, заключая в себе значительное количество соответствующей духу времени (90-е—900-е годы) псевдодемократической и псевдосоциалистической фразеологии, они были направлены к защите реакционной буржуазной идеологии против формирующейся и завоевывавшей всё более широкие массы идеологии пролетарской. Не случайно основные труды Масарика посвящены борьбе с марксизмом.

Такое же положение сохранялось в чешской буржуазной и социал-демократической историографии в течение всего периода существования первой республики. Но и после окончания второй мировой войны положение первое время оставалось прежним. Целый ряд работ, изданных в Чехословакии в 1945—1947 гг., продолжал игнорировать Пражское восстание, посвящая ему буквально лишь по несколько фраз. Так, в изданной в Праге в 1947 г. «Истории Чехословакии» К. Крофты³⁰ из 914 страниц лишь 11 строчек посвящены восстанию, изображаемому как случайное столкновение пражских радикалов, главным образом студентов, с военным командованием. Совершенно обходит Пражское восстание Одложилек в вышедшем из печати в 1946 г. пятом издании его «Очерка чехословацкой истории»³¹. Ольдржих Ржига, стремящийся в своей книге об экономическом и социально-политическом развитии Чехословакии в 1790—1945 гг.³² встать на марксистские позиции, сохранил, однако, старую схему изложения причин и следствий восстания и уделил ему всего лишь несколько фраз³³. То же можно сказать и о книге Ольдржиха Фидруца «Обзор чехословацкой и русской истории», изданной в 1946 г.³⁴, и о некоторых других работах.

Вполне понятно, что подобное отношение к одному из крупнейших революционных выступлений чешских народных масс, совершенно естественное для буржуазных историков и идеологов, не могло удовлетворять обращавшихся к этому периоду чешской истории представителей пролетарской идеологии. Одним из первых выступил против буржуазной и социал-демократической концепции разбираемого вопроса один из руко-

¹⁹ Kazbunda K. «České hnutí roku 1848». Praha. 1929.

²⁰ Masaryk «Karel Havlíček», str. 80.

²¹ Там же, стр. 59.

²² Там же.

²³ Там же, стр. 61.

²⁴ Там же, стр. 67.

²⁵ Там же, стр. 72, 76.

²⁶ Там же, стр. 79.

²⁷ Там же, стр. 72—73.

²⁸ Там же, стр. 73.

²⁹ Там же.

³⁰ Krofta K. «Dějiny československé», str. 622. Praha. 1947.

³¹ Odložilák O. «Nástin československých dějin». Praha. 1946.

³² Riha O. «Hospodářský a sociálně-politický vývoj Československa 1790—1945». Praha. 1946.

³³ Там же, стр. 29—30.

³⁴ Fidruce O. «Přehled dějin Československých a ruských», str. 211—212. Praha. 1946.

воителей чешской компартии, Ян Шверма, сформулировавший свою точку зрения ещё в 1933 г. во вступительной статье к изданному чешскими коммунистами сборнику «Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин об Австрии и чешском вопросе»³⁵. Выступая против изображения Пражского восстания как случайной, бессмысленной и авантюристической вспышки, Шверма доказывает, что это восстание явилось логически закономерным проявлением нараставшего в среде народных масс Чехии демократического движения. «Главным представителем радикального движения было мелкобуржуазное студенчество, — пишет Шверма, — а главной массовой силой этого движения... был чешский пролетариат... Его принципиальный классово-идеологический характер был мелкобуржуазно-демократическим»³⁶. Шверма показывает, что отношение радикалов и демократов к революционным методам борьбы не было проявлением их политической неопытности или сумасбродства, а, напротив того, явилось именно результатом учёта опыта политической борьбы как в Чехии, так и в других странах. Радикалы считали, что «революция — это дело борьбы, а не фразы, что только последовательное развёртывание революционной борьбы и привлечение к этой борьбе самых широких народных масс может спасти революцию и уничтожить реакцию, что для этой борьбы необходимо объединить все действительно революционные и демократические элементы всех народов». Чешские революционеры и демократы во главе со Сладковским понимали, что «компромисс в момент борьбы — это гибель революции, и, резко выступая против трусливой и реакционной политики официальных вождей, с воодушевлением приветствовали борьбу венского студенчества и пролетариата»³⁷.

Мы видим здесь уже совершенно иную концепцию, совершенно иную оценку чешских радикалов, вставших во главе восстания. Шверма даёт иную оценку также и самого восстания как социального выступления, отодвинувшего на задний план национальные раздоры и объединившего на баррикадах как чешских, так и немецких пролетариев и мелкую буржуазию. «Студенты и пролетарии не были достаточно «разумны» для того, чтобы считаться с конкуренцией между чешской и немецкой буржуазией, с интересами борьбы за рынки, с интересами буржуазных карманов. Между чешскими и немецкими студентами и пролетариями не было этих раздоров конкурентной борьбы, которые на смерть делили обе буржуазии»³⁸. Шверма даёт новую оценку и роли чешских демократов, поражение которых в Пражском восстании он объясняет не безрассудством и фантазёрством, а организационной слабостью демократического направления. Шверма правильно оценивает роль аграрного вопроса в событиях 1848 г.

и одной из важнейших причин неудачи буржуазной революции считает отказ чешской буржуазии от вовлечения в политическую борьбу крестьянства — решающего резерва революции³⁹. Он указывает, что причиной этого явилось определённо выраженное в течение всего движения стремление буржуазии к компромиссу с реакцией, решение заранее принести в жертву интересы крестьянства, чтобы для себя выторговать у реакции уступки. Шверма пишет, что «чешская буржуазия, направлявшая всю свою политическую линию на компромисс с реакцией, совершенно не заботилась о привлечении из свою сторону крестьянства. Требование уничтожения крепостной зависимости не могло успокоить обнищавшую массу крестьянства. Сила шляхты и нищета крестьянства коренились не только в крепостном праве, но и в монопольном праве собственности на землю, которое принадлежало шляхте. Ключ к радикальному и последовательному разрешению аграрного вопроса лежал в земельном вопросе. И это последовательное разрешение аграрного вопроса было необходимой предпосылкой победы революции»⁴⁰. Шверма показывает далее, что целью чешской либеральной буржуазии было не развёртывание, а прекращение крестьянского движения, и именно к этой цели были направлены главные её политические усилия. Июньская революция в Праге, говорит Шверма, способствовала подъёму крестьянского движения, но не смогла организовать и возглавить его. Однако «этот недостаток не является позором для неё — она не сделала этого не из трусости, а из-за своей слабости»⁴¹. Говоря об отношении к Пражскому восстанию со стороны немецкой буржуазии, Шверма подчёркивает, что она, как и буржуазия чешская, не оказала восстанию никакой поддержки. Лишь венские пролетарии и студенты выражали свои симпатии по отношению к нему, и лишь один последовательный революционер призвал к поддержке восстания — Карл Маркс, говорит Шверма.

Статья Швермы явилась, по существу, первой попыткой подойти к анализу событий 1848 г. с марксистских позиций, с позиций классовой борьбы, что, несомненно, знаменовало собой начало нового этапа в историографии изучаемого нами вопроса.

В течение 15 лет, последовавших за выходом в свет статьи Швермы, в Чехословакии не появилось специальных работ о революционном движении в Чехии в 1848 г., которые подходили бы к истории этого движения с позиций марксизма. Следующая такая попытка была сделана в опубликованной в начале 1948 г. небольшой книге Арношта Климма «1848 год в Чехии»⁴². Несмотря на отдельные ошибочные или спорные положения, содержащиеся в работе Арношта Климма, его книга свидетельствует о значи-

³⁹ Там же, стр. 85.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² K l i m m a A. «Rok 1848 v Čechách». Praha, 1948. См. нашу рецензию на эту книгу в журнале «Вопросы истории» № 7 за 1948 год.

³⁵ «Marx — Engels — Lenin — Stalino Rakousku a české otázce». Praha, 1933. Š v e r m a J. «Rok 1848 v Čechách».

³⁶ Там же, стр. 83.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же, стр. 84.

тельном приближении некоторых чехословацких историков к марксистским позициям. Правильная оценка значения и характера Пражского восстания даётся и в работе Вацлава Гуса, опубликованной в недавно вышедшем в свет сборнике статей, посвящённых славянскому съезду 1848 г. в Праге⁴³.

Однако точка зрения Швермы, Гусы и Климы не стала ещё господствующей в чешской историографии. Мы указывали уже на целый ряд работ, вышедших в послевоенный период (Фидрмуца и др.), далёких ещё от марксистской оценки событий 1848 года. Добавим к этому, что с мнением А. Климы и В. Гусы серьёзно расходятся ещё и такие современные чешские историки, как И. Мадурек, Ф. Роубик и другие. Сошлёмся, например, на прочитанную год назад Ф. Роубиком лекцию «Святодуховское восстание и славянский съезд», опубликованную в том же сборнике статей о славянском съезде. В этой лекции наряду с целым рядом интересных наблюдений содержатся и многие сомнительные и прямо неверные положения. Роубик солидаризируется с Карлом Гавличком, «постоянно призывавшим прежде всего к повышению всеобщей образованности широчайших слоёв народа, как наилучшему оружию против временного физического превосходства реакции»⁴⁴. Роубик фактически возвращается к типичной для буржуазной историографии точке зрения, видевшей главное следствие восстания в сырье славянского съезда. Он утверждает, что пользу из Пражского восстания извлёк, бесспорно, «прежде всего Кошут и его мадьярская, антиславянская политика»⁴⁵. Ни слова Роубик не говорит о прогрессивной роли восстания в ходе общевосточной революции. Существенное различие между оценкой восстания Климой или Гусой, с одной стороны, и Роубиком — с другой, является одним из свидетельств отсутствия в чешской историографии единого мнения по вопросам, связанным с Пражским восстанием.

Для того чтобы сделать правильные выводы относительно характера Пражского восстания, обратимся к основным моментам восстания и к связанным с ним документам.

Демократическое движение в Чехии, которым руководили чешские радикалы, принадлежавшие к кругам мелкобуржуазной интеллигенции, студенчеству, отчасти ремесленникам, началось уже в первые дни мартовских событий. Не повторяя данных, приведённых уже нами в опубликованной в 1947 г. статье «К вопросу о революционном движении в Чехии в 1848 г.»⁴⁶, отметим некоторые дополнительные факты,

⁴³ H u s a V. «Slovanský sjezd r. 1848 s dnešního hlediska». В кн.: «Slovanský sjezd v Praze 1848». Sborník přednášek slovanského ustavu, str. 129—130. Praha, 1948.

⁴⁴ R o u b í k F. «Svatodušní bouře a slovanský sjezd», там же, стр. 104.

⁴⁵ Там же, стр. 110.

⁴⁶ См. «Вопросы истории» № 5 за 1947 г., стр. 23—47.

характеризующие демократическое движение в чешских землях в доиюньский период.

С началом революционного движения в Австрийской империи радикалы развернули широкую агитацию среди чешского населения и в войсках. Уже 5 марта в руки полицейских властей попала листовка, начинавшаяся словами «Братья! Италия восстала и борется против несправедливостей австрийского правительства», называвшая итальянское восстание «благородным и справедливым» и выражавшая возмущение тем, что другие австрийские народы, в том числе и чехи, принуждаются австрийским правительством проливать кровь и жертвовать жизнью для усмирения восставших итальянцев. Листовка заканчивалась словами «Братья, наступил конец всем жертвам для трона, который считает нас рабами, притесняет нас, давит жестокими налогами. Итальянцы — наши братья, мы не будем сражаться против них, ибо они так же несчастны, как и мы. Собирайте силы и не допускайте новых вербовок, восстаньте, соединяйтесь, вооружайтесь и освободитесь сами от господского и королевского угнетения и добейтесь для себя конституции, основанной на равенстве, согласии и свободе. 20 марта 1848 года — всеобщее восстание!»⁴⁷.

7 марта в руки полиции попали ещё две листовки, призывавшие к немедленным действиям с целью завоевания конституции, свободы печати и свободы народа вообще⁴⁸. В течение последующих дней по Праге и по всей Чехии в огромных количествах распространялись листовки на чешском и немецком языках, причём часть их разбрасывалась и расклеивалась на улицах, а часть рассылалась почтой по домам⁴⁹.

Одним из главных центров, откуда выходили листовки демократического, революционного содержания, было возникшее ещё в 1846 г. тайное общество «Рипиль», объединившее наиболее радикально настроенных представителей мелкой буржуазии и студенчества. Это общество явилось инициатором и организатором первого массового политического выступления в Чехии — Святовацлавского собрания 11 марта 1848 г.⁵⁰, принявшего текст петиции к императору и создавшего первый в Чехии политический орган — Святовацлавский комитет. Организаторы собрания ориентировались главным образом на участие в нём возможно большего количества рабочих и ремесленников, о чём свидетельствует тот факт, что собрание было назначено на вечер субботы, т. е. на такое время, когда наибольшее количество рабочих свободно от рабо-

⁴⁷ Листовка извлечена из архива наместничества в Праге и опубликована Казбундой — «Ceské hnutí roku 1848», Příloha I, str. 361—362.

⁴⁸ Там же, стр. 37.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Frič J. «Paměti», sv. II, str. 247. Praha, 1891; Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 26; Kazbunda «Ceské hnutí roku 1848», str. 38.

ты, и что место собрания было выбрано в максимальной близости к рабочим районам города — Подскалью и Смихову. Рипилисты же подготовили и проект текста петиции, которая носила определённо выраженный социально политический характер. Только один пункт из двадцати касался национального момента — требование равенства чешского языка с немецким в школах и судах. Все остальные пункты содержали требования политических преобразований (уничтожение привилегий дворянства и духовенства, утверждение налогов и законодательства для Чехии чешским сеймом, общинное самоуправление и т. д.), реорганизации судопроизводства, демократических свобод (слова, печати, собрания, личности, вероисповеданий), ликвидации военно-политического режима (сокращение постоянного войска, учреждение гражданских гвардий, уничтожение существующей полиции), реорганизации налоговой системы. Особое значение имеют требования уничтожения барщины и других феодальных повинностей без выкупа и «организации труда и его оплаты»⁵¹. Эти последние требования отражали нужды широких масс населения чешских земель — крестьянства и пролетариата. То обстоятельство, что рипилисты выдвинули эти требования уже в самом начале движения, подтверждает наличие у них связей с пролетариатом и крестьянством, намерение в предстоящей политической борьбе опереться именно на эти слои населения. Важно отметить, что в ходе собрания наиболее решительную борьбу с буржуазными либералами радикалы вели за требование отмены феодальных повинностей без выкупа и организации труда. Радикалов на этом собрании возглавлял поэт Карел Сабина.

Опубликование 15 марта императорского манифеста, возмещавшего скорый созыв представителей от провинциальных сеймов с усиленным представительством от городов для обсуждения проекта конституции империи, вызвало появление в чешских землях целого ряда различных толкований конституции, причём либералы всячески стремились объяснить чешскому народу, что и после введения конституции он прежде всего должен будет соблюдать порядок, подчиняться властям, платить налоги и выполнять феодальные повинности до тех пор, пока они не будут выкуплены⁵².

Выступили со своим толкованием принципов конституции и радикалы, причём в центре их внимания было стремление разъяснить народу прежде всего права. Так, например, К. Сабина посвящает своё «Объяснение конституции»⁵³ главным образом доказательству того, что основная обязанность государства состоит в соблюдении, сохранении и гарантии прав народа, что правительство обязано выполнять волю народа, а народ — постоянно контролировать действия правительства. Народ сам опреде-

ляет степень и границы своих прав и контролирует законодательство.

Осуществлявшаяся в различных формах агитация радикалов находила благоприятную почву как среди крестьянства, широко разернувшего антифеодальную борьбу, так и среди пролетариата, всё решительнее выступавшего с требованиями улучшения своего экономического положения. Донесения из провинции вызвали всё большее беспокойство властей. Краевые гетманы из Локетского, Писецкого, Ичинского и других районов чешских земель доносили о волнениях среди рабочих, требовавших работы и хлеба, об усилении среди рабочих агитации радикалов⁵⁴.

17 марта 1200 пражских ситцепечатников потребовали от властей конкретных мер по улучшению их материального положения⁵⁵. Властям пришлось создать специальный комитет по обеспечению работой безработных⁵⁶, а через политическое общество чешской буржуазии — «Мещанскую Беседу» — была организована выплата безработным небольшого пособия⁵⁷. Одновременно Святоацлавский комитет, стремясь «разгрузить» Прагу от безработного пролетариата, являвшегося наиболее опасным для существующего «порядка» элементом, вступил в переговоры с провинциальными фабрикантами о предоставлении пражским рабочим работы в провинции, а с пражскими фабрикантами о том, что пока будет продолжаться волнение, они воздержатся от дальнейших увольнений рабочих со своих фабрик⁵⁸. 17 марта среди пражской буржуазии началась паника в связи со слухами о приближении к Праге тысяч крестьян. Паника не уменьшилась, когда оказалось, что это были не крестьяне, а рабочие из района Пардубиц. Земским властям пришлось предпринять меры для концентрации вокруг Праги воинских частей в целях поддержания «порядка». Демократическая часть образовавшейся в Праге буржуазной национальной гвардии — студенческий легион — вступила в столкновение с войсками. В этой обстановке радикалы стали распространять среди солдат листовки с призывом не выступать против народа, а соединиться с ним в его борьбе, поскольку у народа и войска одни интересы и войско состоит из представителей народа. Одна из таких листовок, написанная в стихотворной форме⁵⁹, призывала солдат «не быть больше слепым орудием, рабами чужой воли», напоминала им, что «гражданин и солдат — одно тело» и что они должны выступать вместе с народом, а не против него. Примерно такого же содержания была и другая листовка, начинавшаяся обращением к «храбрым солдатам, дорогим землякам и братьям»⁶⁰.

⁵⁴ Kazbunda. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁵ Tobilka Zd. «Počátký dělnického hnutí v Čechách», str. 32. Praha 1923.

⁵⁶ Kazbunda. Указ. соч., стр. 62.

⁵⁷ Tobilka. Указ. соч., стр. 33.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ «Vojáci pozor!» K a z b u n d a. Указ. соч. Приложение X, стр. 372—374.

⁶⁰ Там же, стр. 374.

⁵¹ Klím a. Указ. соч., стр. 30.

⁵² См., например, статью Палацкого «Сожест Конституце?». «Radhost», III, str. 3—6.

⁵³ Sabina K. «Objasnění konstituce». ИМЭЛ. Фонд листовок 1848 года.

Одновременно распространялись листовки среди сельского населения. Обращаясь к орогим братьям поселанам, чешские демократы заявляли, что они стремятся к освобождению крестьян от крепостной зависимости, к тому, чтобы крестьянство стало ободным и участвовало в управлении страной. «Прага намерена,—говорилось в одной из листовок,—взять сейм из рук господ и передать его в руки самого народа, чтобы народ сам определял для себя земное устройство»⁶¹. Авторы листовки призывали крестьян в целях обеспечения своих прав и интересов «вооружиться и немедленно обучаться военному делу для того, чтобы иметь возможность защищаться от всех неприятелей»⁶².

25 апреля правительство объявило возведенную ещё в марте императорским рескриптом конституцию. Однако эта конституция не явилась результатом совещаний представителей от всех земских сеймов «с усиленным представительством городского сословия и с соблюдением существующих провинциальных конституций», как это было обещано в марте. В обсуждении конституции принял участие лишь небольшой круг близких к правительству лиц. Ни одного представителя от чешского королевства при этом не было.

Конституция провозглашала неприкосновенность национальности и языка, свободу совести, вероисповедания, печати, право собраний и подачи петиций, независимость судов, публичное и устное судопроизводство и суды присяжных. Вместе с тем конституция вводила двухпалатное парламентское устройство, при котором первая палата — сенат — должна была состоять из принцев императорского дома, достигших 24-летнего возраста, из назначаемых императором пожизненных членов и из 150 представителей крупных землевладельцев. Вторая палата — палата депутатов — должна была избираться всем населением и состоять из 383 членов. Конституция предусматривала, «что способ вознаграждения за тяготеющие на земле повинности, объявленные подлежащими отмене», будет установлен рейхсратом, заранее предreshая, таким образом, что феодальные повинности будут отменены за выкуп.

9 мая в соответствии с этой конституцией был издан избирательный закон, согласно которому при выборах в палату депутатов 1 депутат должен был избираться от 50 тыс. жителей при двухстепенной системе выборов. При избрании выборщиков избирательного права лишались рабочие, получавшие подённую или понедельную плату, прислуга и лица, пользовавшиеся вспомоществованием из общественных благотворительных учреждений⁶³.

Опубликование этой конституции, оставившей без внимания все основные требова-

ния демократических элементов и организаций, вызвало выступление в Вене народных масс в защиту демократических свобод, что привело к изменениям в составе министерства и к бегству императорского двора в Инсбрук. Известия о победе народа в Вене послужили толчком для нового подъёма массового движения в чешских землях, прежде всего в Праге.

Революционные события 1848 г. пробудили к политической активности самые широкие слои чешского народа. «В огромных количествах стали возникать в провинциальных городках политические газеты, стали в массе выходить политические брошюры и листовки. Весь народ был втянут в политическую жизнь»⁶⁴,—пишет в своих воспоминаниях современник событий Якуб Малый. Всё более возрастал среди населения чешских земель авторитет чешских радикалов, усиливших через газеты и листовки активную агитацию в массах и организованных целым рядом народных манифестаций⁶⁵. Низкая заработная плата рабочих, рост цен на продукты питания, безработица в городах, неразрешённость аграрного вопроса в деревне, тяжёлое положение ремесленников — всё это создавало благоприятную почву для демократической агитации. Агитационные листовки принимали всё более широкое распространение. Наиболее революционным содержанием отличались листовки, составленные и подписанные Штепаном Доновским. Под псевдонимом Доновского выступал 24-летний безработный подмастерье Вацеслав Жижала⁶⁶. Листовки Доновского были направлены прежде всего против шляхты и апеллировали к силе широких слоёв вооружённого народа. Доновский призывал народ обеих национальностей к совместной борьбе за конституционные свободы.

9 мая полиция захватила в типографии Веттера большое количество экземпляров отпечатанной там на чешском и немецком языках листовки за подписью Доновского. Листовка была демократического, республиканского⁶⁷ содержания и резко выступала против династии, правительства, дворянства, церкви, бюрократии, войска и конституции. В листовке указывалось, что австрийские императоры незаконно правят не избравшим их чешским народом, что от правительства нельзя ждать никаких полезных народу дел, поскольку оно состоит из консервативных, эгоистичных людей, борющихся против свободы. Резко выступая против шляхты, заявляя о том, что от предстоящего сейма нечего ожидать, так как он будет в руках дворянства, Доновский единственную надежду и спасение видит в вооружении всего народа для защиты против королев-

⁶¹ Malý «Naše znqvuzrození», II, str. 102.

⁶² «Mili vesničané a bratři!» Klíma. Указ. соч. Приложение III, стр. 146 — 147.

⁶³ Heidler J. «Antonín Springer a česká politika v letech 1848—1850», str. 42. Praha. 1914; Traub H. «Z počátků rozkolu v České politice». «Český časopis historický». T. XXXVI, sešit I, str. 90. Praha. 1930.

⁶⁴ См. о конституции 25 апреля: Блж М. «История австрийской революции», 1848 г. М.-П. 1923, стр. 216—219; Kazbunda «Česke hnutí r. 1848», str. 158—159; Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 72—74.

⁶⁵ Roubík F. «Svatodušní bouře a Slovanský sjezd», str. 95.

⁶⁶ Kazbunda «České hnutí r. 1848», str. 172.

ских прислужников, против войска. Призывая к сотрудничеству между чехами и немцами, между пролетариатом обеих национальностей, Доновский указывает, что лозунги демократической, республиканской свободы вновь восстанавливают союз между этими национальностями, между чешскими и немецкими угнетёнными и борющимися за социальную свободу классами. Доновский ни одним словом не упоминает о разделившем в это время чехов и немцев вопросе о Франкфурте, стремясь подчеркнуть общность интересов чешских и немецких народных масс в борьбе с феодализмом и реакцией⁶⁸. Арест в связи с отсутствием владельца типографии его служащего Гролла вызвал народное возмущение в Праге, заставившее полицейские власти освободить Гролла⁶⁹.

Всё большее участие принимает в политической жизни пролетариат. 9 апреля рабочие текстильной фабрики Прижибрама потребовали ограничения рабочего дня 10 часами в зимнее время и 12 в летнее⁷⁰. Земские власти, к которым было обращено это требование, ответили, что определение продолжительности рабочего дня является предметом добровольного соглашения между рабочими и фабрикантами. Этот ответ, разумеется, не удовлетворил рабочих Прижибрама, которые были поддержаны рабочими ряда других фабрик. В результате многочисленных выступлений рабочих им удалось на некоторых фабриках добиться сокращения рабочего дня⁷¹. Всё сильнее раздавались требования повышения заработной платы и ограничения применения машин. Появляется множество листовок, составленных рабочими, с призывами к борьбе против фабрикантов. В этих листовках конкретно показывалось, какие колоссальные прибыли (до 360 тыс. золотых в год) получали фабриканты за счёт жестокой эксплуатации рабочих. В листовках живо описывалось бедственное положение пролетариата, хотя тон листовок был отнюдь не революционный.

«Если бы Ваш ласковый взгляд мог проникнуть в наши истекающие кровью сердца, — говорилось в одной из листовок, обращённой к пражскому населению, — в Ваших сердцах должен был бы отозваться проникновенный голос наших голодных, ломающих руки детишек: «Папочка, ради Бога, уже два часа дня, а мы ничего не едим...» Кое-кто возражает нам: работы достаточно, можете работать подённо за 20 крон, каждый вполне может быть жив. Бродячее животное тоже живо, но как? Неужели люди должны, как собаки, дохнуть на свалке, гибнуть от голода?.. Мы не в состоянии дальше выдерживать... мы уже видим перед своими глазами смерть; мы ищем справедливости, и мы её заслуживаем — ведь мы люди, сыновья одной с Вами Родины... имейте человеческое чувство, помогите, ибо

мы уже на краю гибели...»⁷². В конце мая началась забастовка типографских рабочих, проходившая под лозунгом борьбы за повышение заработной платы. 3 июня произошли волнения на текстильных фабриках около Праги⁷³, на императорских мельницах в Бученце⁷⁴, в Карлине. Текстильщики требовали повышения заработной платы. Предвидевшие возможность возникновения волнений фабриканты ещё накануне, 2 июня, затребовали от властей присылки на их фабрики регулярных войск. Войска были присланы, и волнения были прекращены военной силой.

Не добившись ничего от фабрикантов, рабочие ряда фабрик обратились со своими требованиями в муниципалитет, опубликовавший, однако, 10 июня заявление, призывавшее рабочих к соблюдению порядка и разрешавшее фабрикантам использование любых машин. Ответом на это заявление были новые волнения текстильщиков. Волнения происходили и среди рабочих других профессий.

Росло и антифеодальное движение в провинции. Чешские радикалы развернули революционную агитацию и среди крестьянства, выдвигая в качестве главного лозунга лозунг безвозмездной отмены феодальных повинностей. Иозеф Фрич рассказывает в своих «Воспоминаниях», что «уже в мае Гауч, Арнольд и другие завязали связи с крестьянством. Они были намерены призвать крестьян в Прагу для того, чтобы их демонстрациями ускорить решение предстоящим сеймом вопроса об отмене феодальных повинностей и крепостной зависимости вообще без всякого вознаграждения бывшим господам»⁷⁵.

Агитация в провинции, среди сельского населения приняла столь обширные размеры и радикальный характер, что стала внушать серьёзные опасения представленной в Национальном комитете чешской буржуазии, по требованию которой Национальный комитет обратился 4 мая к населению с воззванием, в котором говорилось, что «Национальному Комитету стало известно, что в провинции тут и там появляются люди, выдающие себя за представителей вышеупомянутого Комитета. В связи с этим Национальный Комитет заявляет, что он вплоть до настоящего времени... ни одного представителя в провинцию не посылал, и призывает всех не оказывать никакого доверия тем лицам, которые, выдавая себя за представителей Национального Комитета, не смогут предъявить выданного в подтверждение этого президентством удостоверения»⁷⁶. Острые демократической пропаганды было направлено прежде всего против шляхты, причём радикалы требовали полного уничтожения всех её привилегий. На созванном 27 мая радикалами народном собра-

⁷² Там же, стр. 40.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Hořáček С. «Počátky českého hnutí dělnického», str. 26. Praha. 1933.

⁷⁵ Frič Jos. «Paměti», dil. III, str. 121. Praha. 1891.

⁷⁶ Malý J. «Naše znovuzrození». Č. II, str. 90.

⁶⁸ Эта листовка Доновского опубликована в качестве приложения № XIII к книге Казбунды «České hnutí r. 1848», str. 382—384.

⁶⁹ Там же, стр. 175.

⁷⁰ T o b o l k a Z d. «Počátky dělnického hnutí v Čechách», str. 34. Praha. 1923.

⁷¹ Там же, стр. 35.

нии в Святовацлавских купальнях было принято подписанное затем 4 тыс. человек заявление, требовавшее, чтобы представители дворянства допускались в чешский сейм только в том случае, если они будут избраны народом⁷⁷.

В своей агитации чешские радикалы использовали многочисленные провинциальные филиалы «Славянской Лиги» и других политических организаций, а также местную периодическую печать. Главными печатными органами радикалов в Праге были газеты «Pražské Noviny», редактировавшиеся К. Сабинной, и начавший выходить с 1 июня «Pražský Večerní List», вокруг которого радикальная группа стала создавать ядро будущей самостоятельной радикально-демократической партии⁷⁸. В составе чешского студенческого политического союза «Славия», имевшего радикально-демократический характер, была организована военная секция под командой Йозефа Фрича; задачей этой секции являлось изучение стратегических вопросов на случай возникновения вооружённой борьбы против войск. Чешские радикалы предвидели необходимость вооружённой борьбы, готовились к ней сами и стремились подготовить к ней народные массы.

Дошедшие в это время до Праги известия о майской революции в Вене ещё более революционизировали обстановку в чешских землях. 20 мая в Прагу прибыл для вступления в командование пражским гарнизоном князь Виндишгрец. В период мартовских событий в Вене Виндишгрец, вызвавший ненависть венского населения, вынужден был временно удалиться в своё поместье, откуда он продолжал, однако, внимательно следить за событиями в стране в уверенности, что вскоре ему удастся снова активно участвовать в этих событиях. Естественно, что особый интерес вызывала у него обстановка в чешских землях, поскольку с 1840 г. он находился в должности командующего расположенными в Чехии войсками. После майской революции в Вене и бегства императора Виндишгрец решил, что настало время действовать, и отправился в Прагу, сообщив при этом военному министру графу Латуру: «Я еду в Прагу, куда меня призывает мой долг; дело идёт о благе моего монарха, императорского дома и всех честных людей»⁷⁹.

Прибыв в Прагу, Виндишгрец имел уже давно продуманный план вооружённого подавления народного движения. Материалы военного архива в Вене показывают⁸⁰, что военным командованием ещё в марте 1848 г. разрабатывался секретный план военного захвата города. В плане указывалось на непригодность для военных целей правого берега Влтавы ввиду большой протяжённости города с его узкими улицами и большим ко-

личеством площадей⁸¹. Вместе с тем отмечалось, что господствующие над городом позиции (Вышеград, Петржин и др.) вполне достаточны для того, чтобы держать город в руках. Особо подчёркивалось значение Вышеградской крепости, с которой можно было держать под огнём пролетарский район Праги — Подскалье⁸². Действуя в соответствии с этим, разработанным заранее планом, Виндишгрец немедленно по прибытии в Прагу начал стягивать к ней войска и осуществлять ряд других военных приготовлений. С первых дней июня в Праге начинаются бесперывные военные смотры и учения, город наводняется войсками, на бастионах Петржина и Вышеграда устанавливаются орудия.

По приказу Виндишгреца город был буквально наполнен пешими и конными военными патрулями, проходившими по всем улицам города ежедневно с 5 час. утра до 9 час. вечера на расстоянии видимости друг от друга. Ночью количество патрулей несколько сокращалось, но практически город находился на военном положении. Всё это вызывало огромное недовольство в самых различных слоях пражского населения. Редактировавшаяся Карлом Гавличком газета «Národní Noviny» писала 8 июня: «С огромным возмущением должен посмотреть каждый честный человек на те постоянные воинские учения и демонстрации, которые совершаются перед глазами пражан. Бесчисленные патрули часто с кавалерией бесперывно днём и ночью проходят по Праге»⁸³.

Особого напряжения обстановка в Праге достигла 7 июня, когда Виндишгрец провёл в центре города смотр войскам гарнизона, устроившим ему грандиозные демонстративные овации. Виндишгрец поддерживал постоянную связь с австрийскими войсками в Италии и в Галиции: успехи Радецкого и поражение краковского восстания он рассматривал как сигнал для выступления против чешской демократии. Однако чешские демократы не были напуганы военными манипуляциями Виндишгреца и готовились к отпору наступлению реакции. Инициаторами требований о прекращении военных приготовлений Виндишгреца выступили пражские студенты, поддержавшие связи со студентами Вены. 8 июня они организовали большое собрание пражан, на котором в качестве главного оратора выступал возвратившийся незадолго до этого из Вены (где он слушал университетский курс) Карел Сладковский. Уже здесь Сладковский наряду с требованиями об устранении Виндишгреца от командования и о прекращении военных приготовлений против Праги выдвинул требование об уничтожении сословных привилегий при предстоящих выборах в зем-

⁷⁷ Heidler. «Antonín Springer a česká politika», str. 42.

⁷⁸ Там же, стр. 42.

⁷⁹ Toužimský «Na úsvitě nové doby», I, str. 533.

⁸⁰ Kazbunda «České hnutí roku 1848», str. 245.

⁸¹ В начале второй половины XIX в. в Праге насчитывалось 52 площади, 266 улиц и 3494 дома. См. Topograficko-statistický slovník Čech... sestavil Jan Orth a František Sládek, str. 589. Praha. 1870.

⁸² Kazbunda «České hnutí roku 1848», str. 245.

⁸³ Tobolka Zd. «Slovanský sjezd v Praze r. 1848», str. 176.

ский сейм⁸⁴. 9-июня студенты расклеили на улицах Праги плакаты, приглашавшие население на собрание для обсуждения угрожающего поведения войск. На следующий день, в 10 час. утра, студенты собрались в одном из университетских зданий — Клементинуме, — где сформулировали требования об устранении артиллерийских батарей с Вышеграда, Петржины и Краледворских казарм и о выдаче студенческому союзу одной артиллерийской батареи, 2 тыс. ружей и 80 тыс. боевых патронов. Специальная делегация была отправлена для вручения этих требований заместителю Виндишгреца эрцгерцогу Карлу-Фердинанду. Сославшись на отсутствие необходимых полномочий для решения этого вопроса, эрцгерцог переадресовал делегацию непосредственно к Виндишгрецу. Прежде чем вступить с ним в переговоры, студенты обратились к населению Праги с воззванием, в котором указывали на опасность, грозившую со стороны реакции, и просили о поддержке своих требований⁸⁵.

Листовки с воззванием были расклеены по городу. По приказу земского президента графа Льва Туна и начальника национальной гвардии эти листовки были сорваны, однако на месте каждого сорванного воззвания появлялись два новых⁸⁶. Напряжение в городе возрастало. Властями была созвана находившаяся под командованием князя Лобковица буржуазная национальная гвардия. Радикалы со своей стороны обратились к поддержке пролетариата, в частности к забастовавшим за несколько дней до этого швейникам и ситцепечатникам⁸⁷. Принявший студенческую делегацию Виндишгрец отверг предъявленные ему требования, отказавшись их обсуждать и заявив: «Я поставлен на это место императором и только перед ним обязан отвечать за свои поступки»⁸⁸. Собравшиеся в актовом зале университета студенты были возмущены ответом Виндишгреца. Среди студентов присутствовали словак Гурбан и венский студент-юрист Тифтрунк, призвавшие пражан не уступать Виндишгрецу и реакции. Тифтрунк заявил при этом: «Мы должны защищать свободу и в случае необходимости строить баррикады. Мы, венские студенты, покажем вам, как это делается»⁸⁹.

На состоявшемся в тот же день в Святовацлавских купальнях собрании пражан Карел Сладковский призвал население требовать удаления Виндишгреца и отвода из Праги войск⁹⁰ и принять участие в назна-

ченным на следующий день торжественном богослужении во имя братства, с целью продемонстрировать недовольство населения Праги действиями Виндишгреца. Инициаторы этой демонстрации обратились с призывом участвовать в ней к рабочим Праги, в частности к печатникам, среди которых было особенно много безработных⁹¹. В результате 12 июня, утром, на Конской площади, где должно было состояться богослужение, собралась огромная толпа народа, в том числе около 2500 рабочих⁹². «Студенты во главе с Фричем их восторженно приветствовали, обнимались с ним и целовались, демонстрируя братство»⁹³. После окончания службы её участники толпами пошли по улицам Праги. Одна такая толпа направилась ко двору Виндишгреца для выражения протеста против его действий, но была расстреляна солдатами. Это послужило сигналом к восстанию. На улицах города немедленно возникли сотни баррикад, на которых рабочие, ремесленники, мелкая буржуазия и революционная интеллигенция вступили в сражение с войсками Виндишгреца.

Восстание вспыхнуло стихийно; оно не явилось осуществлением какого бы то ни было определённого плана и не имело единого руководящего центра. Это легко понять, если учесть, что повод для восстания явился случайно и те революционные элементы, которые имелись в стране, не были к этому моменту достаточно организованы и подготовлены.

Напротив того, войска уже давно готовились к выступлению против народа. В распоряжении Виндишгреца находилась сорокатысячная армия, в составе которой было 25 стрелковых батальонов, 3 егерских батальона, 3 батальона гренадер, 41 кавалерийский эскадрон, 8 артиллерийских батарей, 20 специальных подразделений и т. д.⁹⁴. Значительная часть этих войск дислоцировалась в Праге. Тем не менее ещё 11 июня Виндишгрец вызвал в Прагу подкрепления из Кутной Горы и Кралева Градца. Вслед за ними были вызваны ещё 3 батальона пехоты, подразделения кирасир и уланов из Терезина и др.⁹⁵. Уже в полдень 12 июня вызванные Виндишгрецом провинциальные гарнизоны вступили в Прагу⁹⁶ и начали немедленное наступление на восставших. Мы не ставим своей задачей подробное изложение хода восстания, описанного в целом ряде работ, из которых по использованному материалу наиболее интересна работа Казбунды⁹⁷. Рассмотрим лишь те факты и документы, которые представляют интерес для характеристики отдельных по-

⁸⁴ Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 102—103.

⁸⁵ Kazbunda «Česke hnutí r. 1848», str. 248—249.

⁸⁶ Там же, str. 248.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 178.

⁸⁹ Toužimský «Na úsvitě nové doby», I, str. 551.

⁹⁰ Popsání vypuknutí zbourění v Praze dne 12 června 1848, na základě ouředního vyšetřování sestavené. Otevřený list hraběte Lwa z Thunu panu Janu Slavíkovi měšťanu pražskému strany udalosti pražských za dnů svato-dušních Priloha I, str. 14. Praha. 1849.

⁹¹ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 180; Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 103—104.

⁹² Popsání str. 14, Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 104.

⁹³ Klíma «Rok 1848 v Čechách», str. 104.

⁹⁴ Эти данные, содержащиеся в дислокационном плане Виндишгреца, приведены Казбундой: «České hnutí», s. 330.

⁹⁵ Там же, стр. 252.

⁹⁶ Tobolka «Slovanský sjezd», str. 184.

⁹⁷ Kazbunda «České hnutí roku 1848», str. 245—276.

литических направлений и уяснения характера восстания.

Весть о событиях в Праге привела в волнение и провинцию⁹⁸, где немедленно стали формироваться отряды для помощи пражанам.

Вставшие во главе повстанцев люди понимали важность и необходимость поддержки со стороны провинции усилий сражавшихся пражан и предприняли попытку распространить восстание на все чешские земли. Для этой цели утром 13 июня в окрестные города и деревни были отправлены делегаты, в числе которых мы видим Петра Фастра, братьев Шульц и других радикалов⁹⁹. Среди сельского населения распространялись листовки, в которых говорилось: «Не платите налогов, не исполняйте барщины и идите немедленно с цепами и косами или другим оружием в Прагу...»¹⁰⁰. Деревня начала волноваться. Многочисленные крестьянские отряды направились к Праге. Одним из таких отрядов была занята железная дорога Прага — Пардубице¹⁰¹.

Восстание грозило распространиться на всю Чехию. В Праге повстанцами был взят в плен земский президент граф Лев Тун. Рабочее и ремесленное население района Праги Подскалье превратило свой район в крепость и выстроило понтонный мост через Влтаву, соединивший Подскалье с остальной частью города. Продолжали укрепляться и другие районы. В такой обстановке, напуганные перспективой общечешской революции, чешские либералы и консерваторы уже 13 июня предприняли попытку выступить посредниками между восставшими и Виндишгрецем, чтобы добиться прекращения борьбы. Взявшие на себя посредничество Палацкий, Шафарик, Гавличек и барон Нейберг, поддержанные бургомистром и членами магистрата¹⁰², получили от Виндишгреца обещание прекратить военные действия, если восставшие освободят графа Туна и уничтожат баррикады. Однако, когда в результате настояний Палацкого, Шафарика и Гавличка Тун был выпущен и в одном из районов города — Малой Стороне — баррикады были разобраны, ружейный обстрел города не прекратился. Это заставило жителей Старого и Нового города продолжать борьбу. Выпущенный на свободу президент Тун немедленно опубликовал два воззвания. Первое из них было адресовано к гражданам Праги и призывало их убрать баррикады и прекратить сопротивление. В этом воззвании Тун указывал, что он «получил сообщение, что студенты и горожане отправили посланцев в провинцию, чтобы призвать к себе на помощь и сельское население»¹⁰³.

⁹⁸ Там же, стр. 271, 273.

⁹⁹ T o b o l k a «Slovanský sjezd v Praze r. 1848», str. 184.

¹⁰⁰ K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 280.

¹⁰¹ Oufědní zprávy obecních starších kr. hl. města Prahy o udalostech svatodušních: B a j e r o v a «Z české revoluce», str. 94.

¹⁰² K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 252—253.

¹⁰³ Там же. Указ. соч., стр. 106.

¹⁰⁴ Zemské presidium k obyvatelům města Prahy. Cerný «Boj za právo», I, str. 306. Praha. 1893.

Тун обещал прекратить военные действия против города в том случае, если оставшие убьют баррикады, прекратят нападения на войска и откажутся от помощи «незаконно призванных крестьян»¹⁰⁴. В случае выполнения этих условий Тун гарантировал отвод войск в казармы, прекращение бомбардировки города и освобождение захваченных в плен войсками студентов и горожан. Второе воззвание было обращено непосредственно к крестьянам, отряды которых уже приближались к городу. В нём говорилось: «Дорогие сельчане! Вы были различными лицами призваны к тому, чтобы поспешить на помощь пражским гражданам, либо, может быть, сами полагаете, что здесь требуется Ваша помощь. Я должен Вас строго предостеречь от всякой попытки проникнуть в город. Ваша помощь здесь не требуется, так как спокойствие и порядок будут восстановлены самими пражскими гражданами. Если же Вы осмелитесь попытаться обеспечить себе проход в город силой, то против Вас будут применены, к Вашему большому вреду, законные силы. Послушайтесь же моего отцовского совета, возвратитесь спокойно назад в свои жилища и заботьтесь о том, чтоб у Вас дома покой и порядок не были нарушены»¹⁰⁵.

Эти документы лишний раз подтверждают, что провинция немедленно реагировала на восстание и что крестьянское движение с самых первых дней восстания приняло весьма широкие масштабы, серьезно напугавшие правительственные органы. Вопреки призывам земского президента борьба продолжалась. В ответ на воззвания Туна чешские радикалы развернули массовую агитацию. 13 июня в Праге была расклеена студенческая прокламация, написанная Карелом Сладковским и Франтишком Гавличком и отпечатанная в архиепископской типографии Клементинума. В прокламации ответственность за кровопролитие возлагалась на провокационные действия Виндишгреца и на реакционное офицерство национальной гвардии. Авторы прокламации призывали солдат национальной гвардии выбрать себе новых офицеров и идти с народом. Далее в прокламации выдвигались следующие условия восстановления спокойствия: «1) Князь Виндишгрец немедленно покинет город; 2) войска останутся в Праге только в таком количестве, какое необходимо для несения стражи, которая будет, однако, нести как в городе, так и у городских ворот, войскам совместно с горожанами и студенчеством; 3) немедленно Временное правительство, как ответственное перед народом Министерство, от имени Его милости императора и короля нашего начнет управлять чешской землей»¹⁰⁶.

14 июня среди повстанцев распространилась другая прокламация, указывавшая, что отвод войск в казармы или даже вывод их

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Zemské presidium k venkovanům 13 června 1848: Cerný «Boj za právo», I, str. 307.

¹⁰⁶ T o u ž i m s k ý «Na úsvitě nové doby», č. III, str. 616.

из города не могут решить вопроса, так как в последнем случае город оказался бы блокированным этими войсками.

Между тем Виндишгрец закончил все приготовления к бомбардировке города, и 14 утром бомбардировка началась.

Одновременно в Прагу прибыли из Вены правительственные комиссары: бывший в 30-х годах воинским начальником в Чехии семидесятилетний генерал от кавалерии граф Эммануил Менсдорф и надворный советник, референт министерства внутренних дел по чешским делам Иосиф Клецанский,—посланные Пиллерсдорфом с заданием добиться прекращения восстания. В соответствии с инструкцией, данной этим комиссарам (от 13 июня), они были уполномочены установить причины восстания, добиться освобождения Туна, в случае необходимости отстранить Виндишгреца и Туна от занимаемых ими постов, перенять у них власть, отвести частично или полностью военный гарнизон из Праги и обещать амнистию повстанцам¹⁰⁷. Многочисленные депутации обратились к комиссарам с просьбой о немедленном отстранении от командования Виндишгреца и о выводе войск из Праги. В течение 14 июня комиссаров посетили депутации от магистрата, студентов, из провинции (Пардубиц и др.). Виндишгрец, решив сопротивляться, вывел в ночь на 15 июня гарнизон из города и вновь подверг его бомбардировке, вызвав новое возмущение по всей Чехии.

Под влиянием народных выступлений Виндишгрец согласился было на временную передачу командования генералу Менсдорфу. 15 июня комиссары опубликовали заявление, в котором говорилось, что «...генерал от кавалерии граф Менсдорф принимает на себя временное осуществление главного командования в Чехии. Войска будут выведены из главного города Праги по мере того, как будут убраны стоящие до сих пор баррикады. О немедленной уборке этих баррикад город позаботится сам. Патрульную службу отныне должны будут нести совместно войска и национальная гвардия...»¹⁰⁸.

Однако Виндишгрец вовсе не был намерен действительно отказаться от командования и при помощи офицерства организовал демонстрацию недовольства солдат вмешательством комиссаров. Немедленно была возобновлена бомбардировка города, причём от имени войск было заявлено, что в случае отстранения Виндишгреца от командования Прага будет сметена с лица земли. Виндишгрец опубликовал заявление о том, что он вновь принимает на себя командование, и 15 же июня обратился совместно с Туном к восставшим со следующей лицевой прокламацией: «13 сего месяца вечером мною были прекращены все военные мероприятия, причём условием восстановления мира было поставлено освобождение земского президента графа Льва Туна и уничтожение в городе баррикад. Старый и Новый Город не выполнили этого условия; чтобы не продолжать кровопролития возобновлением борьбы,

войско отошло вчера вечером на занимаемые им теперь позиции. Однако едва оно отошло, как было обстреляно с правого берега Влтавы. При таких обстоятельствах о переговорах не может быть уже и речи. Старый и Новый город должны теперь до 12 часов завтрашнего дня безоговорочно капитулировать и сложить всё имеющееся оружие...»¹⁰⁹. Однако восставшие не сложили оружия и продолжали борьбу.

Руководители восстания предприняли новые меры для привлечения в Прагу на помощь повстанцам провинциальных отрядов. 16 июня И. В. Фрич, ещё раньше отправивший в провинцию целый отряд своих представителей, сам покинул Прагу, чтобы сделать новую попытку ввести в Прагу крестьянские отряды и провинциальные национальные гвардии, направлявшиеся к столице из Кутной Горы, Хрудима, Колина¹¹⁰ и ряда других мест. Однако было уже поздно. Виндишгрец принимал все меры к тому, чтобы не допустить к городу эти отряды, численность которых превышала уже несколько десятков тысяч человек. Необученные, плохо вооружённые крестьяне не могли противостоять регулярным войскам и 17 июня были разбиты у Беховиц¹¹¹, в результате чего Пражское восстание не получило действительной поддержки извне.

Ещё 16 июня пражским бургомистром было опубликовано объявление, сообщавшее, что «придворная комиссия вплоть до сегодняшнего утра ожидала, что согласно вчерашним условиям баррикады будут устранены, и законный порядок снова восстановится». Отмечая, что восставшие не только не устранили баррикады, но стали возводить новые и что войска потребовали возвращения Виндишгреца к командованию, бургомистр сообщал, что «придворная комиссия, которая всеми средствами стремилась к восстановлению порядка в городе, вынуждена теперь отказаться от дальнейших переговоров, передать сегодня же вечером командование князю Виндишгрецу и лишь продлить срок капитуляции города до 6 часов завтрашнего утра. По истечении этого срока город будет объявлен осаждённым и подвергнется бомбардировке»¹¹².

Далее бургомистр выдвигает те же требования о прекращении стрельбы, уничтожении баррикад и т. п. Как одно из свидетельств большого количества жертв, имевших место в ходе восстания, отметим третий пункт требований бургомистра, в котором он предлагает восставшим прежде всего убрать трупы, лежащие по всему городу и создававшие угрозу распространения болезней¹¹³.

Восторжествовавший таким образом Виндишгрец вместе с президентом Туном предьявлял восставшим новый ультиматум, в котором говорилось, что «императорско-

¹⁰⁹ T o u ž i m s k ý. Указ. соч., III, стр. 541.

¹¹⁰ Č e n s k ý F e r d. «Z dob našeho probuzení. Sbirka přátelských dopisů», стр. 200. Praha. 1875.

¹¹¹ K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 274. См. об этом ниже.

¹¹² T o u ž i m s k ý. Указ. соч. Т. III, стр. 636—637.

¹¹³ Там же, стр. 638.

¹⁰⁷ K a z b u n d a. Указ. соч. Příloha XVII, str. 390—396.

¹⁰⁸ T o u ž i m s k ý «Na úsvitě nové doby», III, str. 627—628.

королевская придворная комиссия прекратила свою официальную деятельность и прокла князя Виндишгреца вновь вступить в командование» и принять необходимые военные меры против восставших. «Старый и Новый Город должны теперь безоговорочно капитулировать, уничтожить все баррикады, разрушить вновь сооруженный на Подскальи понтонный мост и сдать всё оружие. Для исполнения этого устанавливается срок до 12 часов дня и предписывается для обеспечения этого выдать в качестве заложников следующих лиц: Брабца Мартина — торговца деревом, Брадку — члена технического легиона, Фрича Йозефа — доктора прав, Фрича — его сына, Галика — городского кассира, Кампелика Кирилла — доктора медицины, Клауди — доктора прав, подтрибуна юридической когорты, Патрубана Карла — доктора медицины, трибуна медицинской когорты, Ратценбека Франтишка — доктора медицины, Шмидта — члена «Свободности», Сладковского — кандидата прав, Тыла Бранимира, Веземана — парикмахера, Водку — члена юридического легиона. Если же повстанцы не выполнят этих требований, земскому правительству не останется ничего другого, кроме как принудить город к сдаче обстрелом. Орудия стоят уже на необходимых местах, однако обстрел города откладывается до завтрашнего полудня»¹¹⁴.

Повстанцы не вняли угрозам Виндишгреца и Туна и продолжали борьбу. Тогда граф Тун ввёл в городе осадное положение и объявил, что все арестованные за любые преступления будут предаваться военному суду и наказываться по военным законам, что войска примут самые строгие меры против баррикад и что всякое скопление более 8 человек будет разгоняться и расстреливаться¹¹⁵. Одновременно Виндишгрец отдал приказ о новой бомбардировке города. Эта бомбардировка, наиболее жестокая из всех, сломила силы восставших. В результате артиллерийского огня были подожжены староместские мельницы и городская водокачка, пылавшие всю ночь на 17 июня. 17 июня вечером город капитулировал, причём часть руководителей восстания успела бежать.

В городе заработала чрезвычайная военная комиссия, начались массовые аресты участников восстания. Специальные меры были приняты против представлявшегося властям наиболее опасным элементом — пролетариата. 18 июня был издан приказ о том, что все безработные, не принадлежавшие к пражскому населению, должны немедленно покинуть город¹¹⁶. На основании этого приказа из Праги были выселены сотни людей. Власти пользовались ситуацией для репрессий не только против радикалов и демократов, но и против либералов и даже консерваторов. Был распущен Национальный комитет, а след за ним и Временный правительственный совет; арестованы даже граф Дейм, барон Виллани, либералы — доктор Браунер и доктор Фрич и др.; разог-

наны все виды гражданского ополчения. Властям не удалось, однако, арестовать руководителей восстания И. В. Фрича, К. Сладковского, Миковца, Кампелика и др.

Несмотря на то что город капитулировал, Виндишгрец не ввёл в него немедленно войска, оставив их в полной боевой готовности на господствующих над городом высотах, что объясняется прежде всего серьёзными опасениями командующего, что распространявшееся по провинции движение может вызвать возобновление вооружённого выступления в Праге, которое приняло бы в случае соединения с силами крестьянских отрядов и национальных гвардий значительно большие размеры и распространилось бы на все чешские земли. Нет никакого сомнения в том, что у военного командования и земских властей имелись серьёзные и вполне конкретные основания бояться восстания в провинции. Об этом говорит прежде всего целый ряд официальных документов и заявлений этого времени. Так, 16 июня к Виндишгрецу явилась делегация от Биджовского и Болеславского краёв под руководством священника Винаржицкого и крестьянина Яна Кроусского. Делегация потребовала прекращения бомбардировки Праги, поскольку эта бомбардировка могла, по мнению делегации, привести к вооружённому восстанию в провинции и придать крестьянскому движению характер «коммунистических бесчинств»¹¹⁷. Казбунда указывает, что бомбардировка Виндишгрецом Праги создала ему в провинции больше врагов, чем посланные повстанцами эмиссары. Действия Виндишгреца вызвали возмущение как среди чехов, так и среди немцев¹¹⁸. Казбунда пишет: «Как и предвидел Винаржицкий, движение в провинции во многих местах проявлялось в коммунистических бесчинствах»¹¹⁹. Под «коммунистическими бесчинствами» Казбунда имеет в виду осуществлявшийся крестьянами в целом ряде мест захват дворянских замков и земель. В Хоцне и Хрудимском крае велась активная агитация против шляхты. При этом использовался тот тезис, что шляхта сама намеренно вызвала восстание в Праге и других местах для того, чтобы, подавив это восстание, «снова взвалить на крестьянина баршину»¹²⁰. Во многих поместьях происходили целые сражения бунтующих крестьян с охраной замков. Один из крупнейших землевладельцев Чехии, князь Винценц Ауэрперг, ещё во время Пражского восстания, 16 июня, вынужден был бежать из своего замка в Слатиняхах, который был штурмом взят крестьянами. Со всех сторон из провинции приходили столь тревожные для земских властей сообщения, что земское президентство стало подготавливать мероприятия для введения осадного положения по всей стране. Прежде всего были использованы издававшиеся во множестве приказы и воззвания.

¹¹⁴ Гоу ž i m s k ý. Указ. соч. Т. III, стр. 588.

¹¹⁵ Там же, стр. 589.

¹¹⁶ T o b o l k a Z d. «Počátky dělnického hnutí v Čechách», стр. 42.

¹¹⁷ K a z b u n d a «České hnutí r. 1848», стр. 271.

¹¹⁸ Там же, стр. 272.

¹¹⁹ Там же, стр. 273.

¹²⁰ Там же.

16 июня Тун издал и разослал следующее воззвание: «Дорогие поселяне! Многие злонамеренные люди распространяют по сёлам полное лжи сообщение о том, что в Праге войска выступили против населения для того, чтобы лишить столицу и все сельские общины тех принципов свободы, которыми Его Императорское Королевское Величество изволил их обрадовать, в частности будто бы имелось намерение отказаться от освобождения крестьян от барщины и возвратить их к выполнению этой прежней повинности. Дорогие крестьяне! Не верьте этим лживым сообщениям... и не позволяйте злонамеренным людям нарушать покой в ваших сёлах, откажитесь от того намерения, если вы уже склонились к нему, чтобы силой прорваться в Прагу и поддержать эти беспорядки... терпеливо ждите, пока в Праге восстановится и укрепится порядок»¹²¹.

В другом воззвании (от 18 июня) Тун и Виндишгрец объясняли, почему они после капитуляции Праги оставили войска на боевых позициях. Мотивировкой служили их опасения, что восстание может возобновиться, так как руководители повстанцев «ушли в провинцию, вооружившись, чтобы возбудить сельское население и призвать его на помощь повстанцам в Праге, как это действительно и происходит злодейским способом уже с 12 сего месяца»¹²².

Виндишгрец и Тун были уверены в наличии непосредственных связей пражских повстанцев с повстанцами провинциальными, что с несомненностью следует из следующей фразы того же воззвания: «Опасность возникновения нового восстания появилась из Праги, и вполне в силах пражан подавить её тем же самым способом, каким они её вызвали. До тех пор, пока это не будет сделано, войска не отойдут со своих первоначальных позиций и объявленное осадное положение будет продолжаться»¹²³. Это воззвание распространялось в провинции как на чешском, так и на немецком¹²⁴ языках, что лишний раз подтверждает положение о том, что в провинциальных волнениях принимало участие и чешское и немецкое население страны. Примерно такого же содержания воззвание «Ко всем жителям Праги» было опубликовано того же 18 июня за подписями графа Туна и бургомистра Ванки¹²⁵. 19 июня Виндишгрец и Тун издали новый приказ, согласно которому категорически запрещались любые собрания и воззвания к населению, если они не получили официального правительства разрешения¹²⁶. Целый ряд документов свидетельствует о том, что ни Пражское восстание, ни провинциальные выступления крестьян и горожан отнюдь не носили узко национального характера, но представляли собой ши-

рокое революционно-демократическое социальное движение народных масс. Приведём свидетельство графа Туна по этому вопросу, содержащееся в его воззвании от 21 июня, опубликованном в начале работы следственной комиссии и имевшем целью обосновать производимые этой комиссией массовые аресты наличием некоего «широко разветвлённого заговора», охватившего все чешские земли. Несмотря на то, что следственной комиссии в конечном итоге так и не удалось доказать наличия такого заговора, это воззвание весьма интересно. В нём говорится следующее: «События, свидетелями которых мы явились, доказали всему миру то, что в течение долгого времени многими отрицалось, а именно, что и в Чехии замышлялось всеобщее восстание, подготавливаемое распространённым союзом. Без всякого повода, который подало бы правительство каким бы то ни было несправедливым распоряжением, а также без предъявления какой-либо исходящей от всех жалобых вспыхнуло сразу восстание в главном городе Праге. Все улицы города были покрыты баррикадами одновременно, что невозможно себе представить без определённого плана и умысла; угрозами и силой мирные граждане были принуждены принять участие в борьбе против войска нашего императора и короля, а когда оказалось, что злодейский бой на улицах против мужественного и верного войска не может принести успеха, было побуждено к восстанию сельское население. Были использованы все средства, насилие и самая гнусная ложь, чтобы каждого, в зависимости от его положения и обстоятельств, как можно вернее толкнуть к открытой борьбе против порядка. Хотя подлинный план, зависимость и цели этого гнусного предприятия только теперь вскрываются судебным следствием, всё же уже заранее ясно, что дело идёт ни о чём меньшем, как о революции, против законного правительства и уничтожении тех, кто ей мужественно сопротивлялся, о гражданской войне во всей стране со всеми её страшными последствиями»¹²⁷. Изложенная здесь точка зрения на восстание была принята затем как официальная точка зрения. Существенный интерес представляет разосланная земским президентом Туном 23 июня инструкция краевым гетманам с подробными указаниями на необходимые мероприятия для восстановления порядка в провинции. К числу таких мероприятий граф Тун прежде всего относит необходимость немедленного расследования всех случаев «возбуждения крепостных (poddaných) там, где оно имело какой-либо успех, или там, где оно имеет место до сих пор»¹²⁸. Президент обязывал, далее, краевых гетманов собрать и представить официальные данные на руководителей и зачинщиков волнений в провинции, «которые могли бы

¹²¹ Toužimský «Na úsvitě nové doby», с. III, str. 591.

¹²² Там же, стр. 637.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же, стр. 597.

¹²⁶ «Karla Havlíčka. Borovského politické spisy», dil. II. «Narodní Noviny» (1848—1850). С. I, str. 51—52.

¹²⁷ Zemské presidium o udučení bouře svatodušní v Praze: Černý «Boj za právo», I, str. 312—313; Toužimský, Указ. соч., III, стр. 669.

¹²⁸ Cirkulář c. k. gub. presidenta krajským hejtmanům 23 června 1848; Černý «Boj za právo», I, str. 314.

явиться доказательством перед судом. Эти данные должны быть немедленно представлены соответствующим уголовным судам, наиболее виновные лица арестованы, те же, чьё нарушение закона несомненно, посажены в тюрьмы»¹²⁰. При этом Тун всячески подчёркивал необходимость ускорения всех этих мероприятий ввиду опасности дальнейшего распространения движения в провинции. Говоря далее о необходимости не вызывать своими действиями нового раздражения, Тун разъясняет, что «пражское восстание вовсе не было национальным движением славянского населения против немецкого, но это было революционное движение против правительства и вооружённых сил, движение, которое вне всяких сомнений было вызвано и поддержано агентами революционной партии венских студентов и в котором приняли участие люди революционного образа мыслей без различия национальностей, хотя большинство восставших и возмутителей и принадлежало к славянскому населению»¹²¹. В ряде других циркуляров Тун требовал поддержки правительственных мероприятий со стороны духовенства, разоружения местных национальных гвардий там, где они попытались бы поддержать пражских повстанцев или провинциальные волнения, разоружения и ареста тех студентов, которые оказались бы в провинции с оружием¹²². Со своей стороны генерал Виндишгрец организовал в провинции систему воинских мобильных колонн, предоставив право местным представителям власти в случае необходимости вызывать от ближайшего военного командования пехотные и кавалерийские части для разоружения крестьянских и городских отрядов, а также для борьбы с принявшим в деревне широкие размеры захватом крестьянами помещичьих земель, порубкой лесов и т. п.¹²³. Казбунда приводит данные о том, что князь Виндишгрец и военное командование с самого начала восстания были вынуждены отправить часть войск против вооружённых крестьянских отрядов, причём указывает, что первым выступило на помощь Праге население Стржешовицкого района. Виндишгрецу пришлось выслать специальные воинские части для непрерывной рекогносцировки ближних и дальних подступов к Праге и занять железнодорожные станции. Командовавшему подразделением гусар сыну Виндишгреца Гуго было поручено занять первую станцию перед Прагой — Беховице — и не допускать продвижения крестьянских отрядов. Именно на этой станции произошло кровопролитное сражение войск с крестьянскими отрядами из Чаславского, Кутногорского и Колинского районов, пытавшимися неудачно прорваться в Прагу. Разоружив эти отряды, войска устроили беспощадную резню безоружных крестьян, встретившую полное одобрение со стороны Виндишгреца, рассчитывавшего на то, что эта резня послужит предостережением для дру-

гих провинциальных отрядов¹²⁴. В результате военных мероприятий Виндишгрецу действительно удалось не допустить провинциальные отряды на помощь Праге. Однако весьма важным является факт широкого распространения в Чехии движения поддержки Пражского восстания. Кроме названных выше отрядов, на помощь Праге выступали национальные гвардии и крестьянские отряды из районов Ичица, Илемница, Сушице, Раби, Бероуна¹²⁵ и многих других. Важным является то обстоятельство, что в этом движении приняли участие и отряды из Гостинного, Трутнова и других немецких районов Болеславского края¹²⁶.

Однако далеко не всё немецкое население чешских земель поддержало Пражское восстание и революционное движение в провинции. Вполне естественно, что поддержка шла прежде всего и почти исключительно со стороны немецкого пролетариата, отчасти крестьянства, мелкой буржуазии и ремесленников и демократического крыла мелкобуржуазной интеллигенции, т. е. как раз тех же самых слоёв населения, которые приняли участие в восстании и среди чешского народа. Вполне понятно, что ни немецкая, ни чешская буржуазия не участвовала в движении, хотя и по различным внешне причинам. Чешская буржуазия, напуганная массовым революционным движением, в момент восстания резко и открыто повернула в сторону реакции и прилагала все усилия для того, чтобы свернуть движение на путь национальной борьбы. Именно с этой целью уже во время восстания, а особенно непосредственно после него, чешские либералы всячески распространяли версии о том, что это восстание является делом рук различных инациональных эмиссаров, причём одни утверждали, что это — дело рук эмиссаров немецких (эту версию поддерживал и Тун), а другие (в том числе и Палацкий) приписывали организацию восстания медьярским агентам. С целью опорочить восстание, отвлечь чешские народные массы от революционных методов борьбы чешские реакционеры создали ещё в 1848 г. легенду о том, что Пражское восстание могло принести и действительно принесло пользу только «национальным противникам» чехов — немцам и венграм. Мы отмечаем уже, что, как это ни странно, в некоторых чешских работах (Рубик) эта легенда благополучно дожила и до настоящего времени. Вполне очевидна необоснованность и нелепость подобной «теории». Вместе с тем вполне естественно, что эта теория была создана и распространялась чешскими буржуазными либералами, поскольку она вполне соответствовала их классовым и политическим целям и интересам.

Немецкая буржуазия, которая также из классовых соображений не поддержала и не могла поддержать восстание народных масс, в свою очередь стремилась придать событиям националистическое толкование, с той лишь разницей, что создала свою вер-

¹²⁰ Там же, стр. 315.

¹²¹ Там же.

¹²² K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 273.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же, стр. 274.

¹²⁵ Там же, стр. 275.

¹²⁶ M a r š a n R. «Čechové a němci r. 1848 a boj o Frankfurt», str. 169. Praha. 1898.

сию об антинемецком характере Пражского восстания и движения в провинции. Немецкая буржуазия, как и буржуазия чешская, ещё до восстания стремилась раздуть национальные противоречия между чехами и немцами. 12 июня, в момент начала восстания, у Виндишгреца находилась многочисленная делегация пражского немецкого союза, требовавшая от главнокомандующего военных мероприятий для «поддержания порядка» в столице¹³⁶. В ходе восстания эти защитники «порядка» стали распространять мнение, что Пражское восстание является антинемецким и имеет своей задачей осуществление панславистских идей, что Виндишгрец является защитником немецкого дела. Подобные же утверждения распространялись и в Вене с целью напугать венское население и настроить его против пражских повстанцев, причём главным мотивом этих слухов снова являлись утверждения о готовящемся якобы присоединении чехов к России, о предстоящей вскоре с этой целью русской интервенции и т. д.¹³⁷ Франкфуртский парламент 20 июня даже принял решение о том, чтобы призвать прусское, саксонское и баварское правительства выслать в случае необходимости на помощь австрийскому правительству или его органам в Чехии войска для защиты немцев и их имущества¹³⁸. Для опровержения слухов об антинемецком характере Пражского восстания в Вену из Праги 17 июня прибыла депутация из десяти человек, в которую входили как чехи (Сладковский, Клауди, Брабец), так и немцы (Гаазе, Гаймерль). От имени всего населения Праги они потребовали удаления из Чехии Виндишгреца, прекращения военных действий со стороны войск, амнистии участников восстания. «Депутация решительно отвергла обвинения в том, что Пражское восстание было вызвано национальными противоречиями, и требовала от правительства специального заявления по этому поводу»¹³⁹.

Наконец, чтобы покончить с вопросом о национальном моменте в Пражском восстании, приведём показание ещё одного документа — корреспонденции одного немца (имя которого не названо) из Праги от 24 июня, приводимую Марксом в статье «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», опубликованной в «Новой Рейнской газете» 11 июля 1848 года¹⁴⁰. То обстоятельство, что автор корреспонденции был известен редакторам «Новой Рейнской газеты» и что его сообщение было опубликовано без каких-либо примечаний и возражений с их стороны, говорит о том, что приводимые в корреспонденции сведения заслуживают полного доверия и серьёзного внимания.

Разоблачая античешские выступления немецких газет и союзов, автор корреспонденции решительно возражает против утверждений о националистическом характере Пражского восстания. «В Германии,

повидимому, повсюду господствует мнение, — пишет он, — что борьба на улицах Праги велась во имя подавления немецкой части населения и во имя основания славянской республики. О последнем мы не будем говорить, потому что такой взгляд слишком навивен. Что же касается первого, то во время боёв на баррикадах не замечалось ни малейшей тени соперничества между национальностями. Немцы и чехи стояли рядом, одинаково готовые защищаться»¹⁴¹. Автор приводит ряд фактов, свидетельствующих об отсутствии у восставших единого командования, о стихийности возникновения и хода восстания, и ствергает официальную версию о наличии в Чехии антинемецкого заговора. «Операции командовавшего генерала тоже не указывают на то, что приходилось защищать немцев от чехов. Вместо того чтобы привлечь к себе немецкое население разъяснением событий, взять баррикады и охранять жизнь и собственность «верных» жителей города, — генерал... расстреливает вместе и немцев, и чехов, так как бомбы и пули, попадавшие в старый город, не могли отыскивать одних лишь чехов, а поражали одинаково всех, не справляясь с кокардой. Какие же имеются, здраво рассуждая, основания предполагать существование славянского заговора...?»¹⁴² — спрашивает автор. Далее он рассказывает о героизме защитников баррикад, возникших неожиданно всюду, где собиралось 10—12 человек, о том, как «храбро» императорские войска набросились в полдень 12 июня на беззащитную толпу и как шесть часов спустя «те же императорско-королевские гренадеры обстреливали в течение получаса картечью и шестидюймовыми снарядами баррикаду на Целтнерштрассе, которую защищало не больше двадцати человек, и всё же не взяли её до тех пор, пока её защитники не покинули её около полуночи»¹⁴³. Остановившаяся на речи немца — доктора Страдала из Теплица, заявившего, что «пражские газеты действовали в проведение чужих интересов», под которыми должны были пониматься интересы русские, автор корреспонденции заявляет, что это — «или крайнее незнание с фактами, или подлая клевета»¹⁴⁴. Говоря о целях, которые ставила перед собой «свободная пражская печать», автор пишет, что она «не имеет других стремлений, кроме защиты независимости Богемии и отстаивания прав обеих национальностей»¹⁴⁵. Автор разоблачает осуществлявшуюся в Австрии политику сраживания национальностей, проявившуюся и в измышлениях по поводу Пражского восстания. «Отлично известно, — пишет он в заключение, — что немецкая реакция стремится спровоцировать узко-националистические тенденции как в Poznani, так и в Италии для того, чтобы подавить революцию внутри

¹³⁶ K a z b u n d a. Указ. соч., стр. 248.

¹³⁷ Там же, стр. 255.

¹³⁸ K l i m a. Указ. соч., стр. 113.

¹³⁹ K a z b u n d a «České hnutí roku 1848», стр. 266.

¹⁴⁰ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 242—245.

¹⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. VI, стр. 243.

¹⁴² Там же, стр. 243—244.

¹⁴³ Там же, стр. 244—245.

¹⁴⁴ Там же, стр. 245.

¹⁴⁵ Там же.

Германии, отчасти же для того, чтобы подготовить солдатчину к гражданской войне»¹⁴⁶.

Основоположники марксизма знали, что движение чешского пролетариата не носило ни в какой степени антинемецкого характера, о чём их информировали сами чешские немцы. Энгельс в 1890 г. вспоминал, как в 1848 г. у Маркса произошла встреча с вождём немецко-богемской фракции австрийского рейхсрата Боршом, жаловавшимся на национальную вражду между чехами и немцами. «Маркс спросил его, — пишет Энгельс, — как же в этом отношении обстоит дело с богемскими рабочими. «Ну, — ответил Борш, — это совсем другое дело; как только рабочие вступают в движение, этому приходит конец, тут уже нет речи о чехах или немцах, тут уже все — заодно»¹⁴⁷.

Поскольку Пражское восстание способствовало развитию революционной ситуации в Австрийской империи, оно приветствовалось и поддерживалось Марксом и Энгельсом, внимательно следившими за событиями в Праге.

Непосредственно Пражскому восстанию они посвятили две статьи в «Новой Рейнсксй газете». В первой из них, написанной ещё в ходе восстания и опубликованной 17 июня 1848 г. под названием «Пражское восстание», Маркс и Энгельс подробно анализируют происходившие в Праге события. Передавая кратко обстоятельства начала восстания, они прежде всего указывают, что «австрийская военщина утопила в чешской крови возможность мирного сожительства чехов и немцев»¹⁴⁸.

Авторы подчёркивают, что именно представитель австрийской военщины князь Виндишгрец произвёл приготовление к военному выступлению прстив чехов: «Концентрируются войска, и подготавливается нападение на Славянский конгресс и чехов»¹⁴⁹. Маркс и Энгельс совершенно отчётливо показывают, что немецкие буржуазные революционеры по отношению к чехам, как и к ряду других народов, не проявили революционной последовательности в национальном вопросе. «Французы, — пишут они, — даже там, куда они приходили как враги, умели снискать себе признание и симпатии. Немцы же нигде не признаются и нигде не встречают симпатии. Даже там, где они выступают великодушными апостолами свободы, их отталкивают с горькой насмешкой. И по заслугам»¹⁵⁰. Далее в статье показываются причины этого: «Нация, позволявшая превратить себя на протяжении всей своей истории в орудие угнетения всех других наций, — такая нация должна раньше доказать на деле свою действительную революционность. Она должна это доказать не только двумя-тремя половинчатыми революциями, которые не имеют никаких иных результатов, кроме сохранения под другими личинами старой нерешительности, сла-

бости и отсутствия единства, — революция-ми, во время которых Радецкий остаётся в Милане, Коломб и Штейнэкер — в Познани, Виндишгрец — в Праге, Гюзер — в Майнце, как будто ничего не случилось.

Революционная Германия должна была, особенно в отношении соседних народов, отречься от всего своего прошлого. Вместе со своей собственной свободой она должна была провозгласить свободу тех народов, которые доселе ею угнетались. А что сделал а революционная Германия? Она совершенно подтвердила и освятила старое угнетение Италии, Польши, а затем и Богемии при помощи немецкой военщины. Кауниц и Меттерних совершенно оправданы»¹⁵¹.

Мы видим, между прочим, что высказанные здесь взгляды основоположников марксизма на национальную политику немецких буржуазных революционеров совпадают с высказываниями по тому же поводу великого русского революционера-демократа Н. Г. Чернышевского. «Франция и Германия, — писал Чернышевский, — страны, населённые одним племенем: число немцев во Франции, поляков в Германии так незначительно по сравнению с господствующим племенем, что не могло иметь важного влияния на ход дел. Парижские французы, берлинские и франкфуртские немцы могли не заботиться о других народностях. В Австрии не то. Венские немцы были представителями лишь незначительного меньшинства жителей империи. Судьба и всего государства, и самой столицы зависела от того, в какие отношения австрийские немцы и представители их венские граждане станут к другим племенам. Прежняя система развила в этих племенах недоверие и вражду к немцам. Следовало бы, кажется, подумать об этом, следовало бы позаботиться о том, чтобы расположить другие народности в пользу венского движения. Венским простякам не пришло в голову такое мудрёное соображение»¹⁵².

Известно, как резко осуждали Маркс и Энгельс реакционную теорию австрозлавиизма, предполагавшую неслепенное сохранение габсбургской Австрийской империи, одного из главных врагов европейской революции. Однако Маркс и Энгельс не отвлекались от причин возникновения этой теории. Они считают естественным откоз чехов от участия в выборах во Франкфуртский парламент, их борьбу против включения Чехии в состав Германии. В цитируемой нами статье вслед за приведённым выше отрывком они пишут: «И после этого немцы требуют, чтобы чехи им доверяли! И после этого осуждают чехов за то, что они не желают присоединиться к нации, которая, освободясь сама, в то же время угнетает и оскорбляет другие нации! Осуждают их за то, что они отказались избрать депутатов в такое представительное собрание, как наше незадачливое, трусливое, за свой собственный суверенитет дрожащее франкфуртское Национальное со-

¹⁴⁶ Там же.

¹⁴⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 2-я, стр. 53.

¹⁴⁸ Там же, Т. VI, стр. 184.

¹⁴⁹ Там же.

¹⁵⁰ Там же, стр. 185.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Чернышевский Н. Г. Предисловие к нынешним австрийским делам. Собр. соч. Т. 8, стр. 96. СПб. 1906.

брание! Вменяют им в вину, что они отреклись от импотентного австрийского правительства, которое со своей беспомощностью и парализованностью, кажется, для того только и существует, чтобы не предупредить или, по крайней мере, организовать распад Австрии, а только констатировать его, — от правительства, которое само слишком слабо для того, чтобы освободить Прагу от пушек и солдат какого-нибудь Виндишгреца!»¹⁵³. Маркс и Энгельс заканчивают статью предположением, что такая политика революционной Германии неизбежно должна толкнуть чехов в сторону царской России. «Благодаря четырёхвековому угнетению со стороны немцев, которое продолжается теперь в уличных боях в Праге, чехи толкаются в объятия русских»¹⁵⁴. Предполагая, что в ближайшее время должна была начаться революционная война против царской России, Маркс и Энгельс пишут: «В той великой борьбе между Востоком и Западом Европы, которая вспыхнет в самое короткое время... несчастная судьба поставит чехов на сторону русских, на сторону деспотизма против революции. Революция победит, и чехи будут первыми, которые будут ею подавлены. Вину за это поражение чехов опять-таки несут немцы. Ибо немцы предали их русским»¹⁵⁵.

В другой своей статье, написанной спустя три недели после подавления восстания и опубликованной в «Новой Рейнской газете» 11 июля 1848 г. под названием «Внешняя политика Германии и последние события в Праге», Маркс и Энгельс приводят цитированное нами выше сообщение одного немца из Праги от 24 июня. Приводя это сообщение, Маркс и Энгельс подчёркивают, что, «несмотря на патристический шум и завывание почти всей немецкой печати, «Новая Рейнская газета» с первого же момента выступила в защиту поляков в Познани, итальянцев в Италии, чехов в Богемии»¹⁵⁶. Известно, как высоко ценили основоположники марксизма революционную борьбу польского народа. Весьма важным поэтом является то обстоятельство, что они сравнивают в приведённой цитате борьбу поляков с борьбой чехов, ставят их на одну доску. Маркс и Энгельс выражают возмущение «макиавеллистской» политикой Германии. Они с гневом пишут о том, что «в тот самый момент, когда немцы борются со своими правительствами за внутреннюю свободу, их заставляют под командой этих же самых правительств предпринять крестовый поход против свободы Польши, Богемии, Италии. Какая глубина соображения! Какой исторический парадокс!»¹⁵⁷. Они резко осуждают «расовую войну»,

«которую Германия запятнала свою новую эру»¹⁵⁸. Своё сочувственное отношение к революционной борьбе чешских народных масс Маркс и Энгельс подчёркивали и позже, в сентябре 1848 г., когда они в третьей статье о Шлезвиг-Гольштинской войне писали: «Уличная борьба в Праге, вопреки всем стараниям национальной прессы, будила в народе симпатии только к победённому, а не к победителям»¹⁵⁹. И дальше: «...в Италии, Познани и Праге немцы боролись против революции... Война с Данией, это — первая революционная война, которую ведёт Германия»¹⁶⁰. Итак, очевидно, что революционная борьба чешского народа, ведшаяся на первом этапе движения 1848 г., завершившемся Пражским вооружённым восстанием, высоко оценивалась и поддерживалась Марксом и Энгельсом, поскольку эта борьба усиливала лагерь революции. Вместе с тем очевидно и то, что антиславянская, шовинистическая политика германских буржуазных революционеров, как и националистическая политика чешской либеральной буржуазии, подверглась резкой критике и осуждению со стороны Маркса и Энгельса, поскольку она обостряла национальные противоречия и создавала предпосылки и условия для отвлечения народных масс, как чешских, так и немецких, от социальной, классовой борьбы и толкала их на путь национальной вражды.

Ограничимся приведёнными фактами и подведём некоторые итоги. Очевидно, что июньское восстание в Праге явилось следствием развития революционной ситуации в чешских землях, а не было результатом «сумасбродных и бессмысленных действий политически неопытной молодёжи», как это утверждала чешская буржуазная историография. Очевидно также, что восстание это имело определённо выраженный социальный характер, а не было националистическим антинемецким выступлением, как это утверждала немецкая буржуазная историография. Пражское восстание нашло широкий отклик в провинции, вызвав подъём антифеодалного движения в деревне и усиление движения пролетариата в городах. Всё это поставило австрийскую реакцию перед вполне конкретной угрозой демократической революции в чешских землях, вынудив императорский двор сосредоточить в чешских землях сорокатысячную армию Виндишгреца, в связи с чем эта армия не могла быть использована в этот период для подавления революционного движения в других частях империи. Несомненно, всё это способствовало ослаблению сил австрийской реакции и укреплению сил демократии. Очевидно, таким образом, что Пражское восстание сыграло важную роль в революционном движении 1848 г., способствуя развитию революционной ситуации в Австрийской империи.

¹⁵³ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. VI, стр. 185.

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же, стр. 185—186.

¹⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс Соч. Т. VI, стр. 242.

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Там же.

¹⁵⁹ Там же, стр. 427.

¹⁶⁰ Там же.